

**БЛЕЗ ПАСКАЛЬ — МИСТИК,
«ФИЛОСОФ ЧЕЛОВЕКА»
И «ФИЛОСОФ СЕРДЦА»**

**BLAISE PASCAL — MYSTIC,
«PHILOSOPHER OF PERSON» AND
«PHILOSOPHER OF HEART»**

Аннотация. В статье анализируется учение мистика, «философа человека» и «философа сердца» Блеза Паскаля.

Ключевые слова: иррационализм, бессознательность, «философия человека», «философия сердца», рационализм, познавательный оптимизм, смысл жизни, трагизм человеческого существования, «мыслящий тростник».

Abstract: This article analyses the study of mystics by Blaise Pascal, «a philosopher of person» and «a philosopher of heart».

Key words: irrationalism, unconsciousness, «philosopher of person», «philosopher of heart», rationalism, perceptual optimism, sense of life, tragedy of mankind existence, «thinking rush».

Сведения об авторе: Гонгало Викентий Мичиславович, кандидат философских наук, доцент.

Место работы: Северо-Казахстанский государственный университет им. Манаша Козыбаева.

About author: Vikentiy Michislavovich Gongalo, Candidate of Philosophy, Associated Professor.

Place of employment: North Kazakhstan State University in the name of Manash Kozybaev.

Контактная информация: 150000, Республика Казахстан, г.Петропавловск, ул.Пушкина, 86. Тел. 87052562246. E-mail: vikentii@mail.ru

Именно сердце чувствует Бога, а не разум.
Б.Паскаль

Гениальная парадоксальность Блеза Паскаля. В середине XVII в. начинает формироваться альтернативное рационализму философское учение *иррационализма* (от лат. *irrationalism* — неразумный, бессознательный), которое заявило о себе в полный голос лишь в XIX в. Это философское течение указывает на безграничное качественное многообразие реального мира, ставит предел для познавательных возможностей «количественно-математического», естественнонаучного разума. И выражена эта альтернатива рационалистической философии в работах одного из блестящих ученых XVII в., французского физика, математика, изобретателя (впервые сконструировавшего гидравлический пресс, шприц) и писателя *Блеза Паскаля* (1623—1662 гг.). В 1642—1645 гг. он строил счетную машину, а в 1649 г. получил от короля «привилегию на арифметическую машину». Одну из своих машин философ преподнес в подарок королеве Швеции Христине.

О феномене Паскаля замечательно размышлял Ф.А.Хомутовский: «О Паскале как о мыслителе, у нас знают мало. По-видимому, это объясняется тем, что как мыслитель, он обращает внимание прежде всего на трагическую судьбу человека в мире, он занимается тем, что теперь бы мы назвали экзистенциальными проблемами. Трудно избавиться от мысли, что он оказал большое влияние на становление экзистенциализма как философского направления, особенно религиозного экзистенциализма» [8. С. 116—117].

Паскаль, указывает Ф.А.Хомутовский, — мыслитель парадоксальный, самобытный, гениальный в полном смысле этого слова: о нем трудно писать из-за его парадоксальности. «Как философ Паскаль — это метафизическое рыдание человечества, по-видимому, самое страшное из рыданий. Рыдание глобальное, вечное, пока существует человечество. Паскаль не столько мыслитель XVII в., сколько мыслитель всех веков и времен. Проблемы, раны, которые он поднимает и обнажает, не имеют однозначного решения, да и вообще решения, лечения, их можно только поставить, обнажить. Поскольку Паскаль, чем бы ни занимался, что бы ни исследовал, везде устанавливал солидную долю истинности, то трудно избавиться от мысли, что Паскаль и как философ-ясновидец оставил потомкам нечто от “гидравлического пресса” (изобретателем которого он был. — В.Г.)» [8. С. 116—117].

Отметим здесь, что о говоря о Паскале и особенно о его «метафизическом рыдании», Ф.А.Хомутовский, вероятнее всего, имел в виду не только то, что мы знаем о французском мыслителе из его сочинений или трудов о нем, но при этом вкладывал сюда и что-то свое, чрезвычайно глубокое и невыразимое. Также нельзя не согласиться с Ф.А.Хомутовским в его мнении о том, что Паскаль — «мыслитель всех веков и времен», который «оставил потомкам нечто от «гидравлического пресса». Это в очередной раз говорит как об актуальности поднимаемых нами проблем, так и о том, что, по сути, несмотря на многозначные подходы исследователей, «проблемы» останутся проблемами точно так же, как и «раны».

Далее Ф.А.Хомутовский вновь отмечает гениальную парадоксальность Паскаля, подчеркивая при этом, что «его трудно представить рыдающим — слишком стоически переносил он страдания». Здесь Ф.А.Хомутовский прямо указывает на едва ли не главное свойство настоящего философа — способность «стоически переносить страдания».

Если продолжить тему страданий, то их, на наш взгляд, не совсем правильно было бы рассматривать в отрыве от того, что мы называем радостью и счастьем бытия. На это указывали многие философы от Тертуллиана до Фридриха Ницше.

Известно, что ничто так не разлагает и не развращает душу, как «легкая и приятная жизнь». Из этого прямо следует только то важное, на наш взгляд, обстоятельство, что жизнь человека вообще и не должна быть ни «легкой», ни «приятной», и что испытание «легкостью и приятностью» ничуть не менее строгое, чем испытание многочисленными нуждами и бедами. Из этого также естественно вытекает, что бремя, тяжесть, страдания, крест изначально предуготованы для человека. Недаром поэт прозорливо замечал:

Напиток сладкий духа — жмут
В давящих горького страданья;
И те глаза, что слез не льют —
Не могут излучать сиянья.

А.С.Пушкин оставил нам в наследство немало замечательных строк, которые мы с детства проносим с собой всю свою жизнь. Одними из таких стихотворений, приоткрывающим суть и тайну бытия, является «Элегия».

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино, — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной [2. С. 477].

И перед неизбежностью рокового конца поэт неизменно думает о любви.

Милосердие и любовь. Чрезвычайно любопытными представляются дальнейшие размышления Ф.А.Хомутовского о французском мыслителе: «Согласно Паскалю, все тела, небесная твердь, звезды, земля не стоят самого ничтожного из умов, ибо он знает все это

и самого себя, а тела не знают ничего. Но все тела, взятые вместе, и все умы, взятые вместе, и все, что они сотворили, не стоят единого порыва милосердия — это явление несравненно более высокого порядка. Философия Паскаля есть философия прежде всего сердца. Человеческое сердце, милосердие, любовь надприродны, сверхъестественны, недоступны человеческому разумению» [8. С. 117].

Эти слова Ф.А.Хомутовского-философа, на наш взгляд, весьма показательны; становится ясным самое главное, чего так еще не хватает людям: милосердия и любви.

Есть одна интересная притча, которая отчасти проливает свет на эту проблему. Спросил однажды внук у дедушки: что такое добро и что такое зло? «Видишь ли, — ответил дедушка, — и добро, и зло — в тебе самом. В твоём сердце живут два зверя — один зверь добрый, другой — злой, если ты будешь делать доброе, то будет расти добрый, а если будешь делать злое, то будет расти злой, и между ними всегда идет непрекращающаяся война». — «Кто же из них победит в конце концов?» — спросил внук. — «Тот, которого ты будешь кормить», — ответил мудрый дедушка.

Поэт, увы, не исправляет мир, но в очередной раз предоставляет людям возможность выбора, по крайней мере, для тех, кто читает его сочинения. Все в руках человека, и от него самого зависит, будет ли он человеком или останется менее человеком, чем мог бы стать. Одно такое стихотворение называется «Из чего состоит мир?».

Мир состоит из абсурдности,
Подлости, фальши и лжи,
Из человеческой глупости,
Счастье же в нем миражи.

Мир состоит из предательства,
Жадности и суеты.
Нет в нем почти доказательства,
Верности и доброты.

Мир состоит из жестокости,
Мести, обмана людей.
Нами утерянной совести
И дефицита друзей.

Мир состоит из рождения,
Смерти, потери души...
Много в нем расхождения,
Жаль, что в нем нет любви.

[В. Ефименко]

Сегодня кажется удивительным, что Паскаль, живя в XVII в., так далеко заглядывал вперед, будто хотел предупредить нас, жителей XX—XXI столетий о том, какие проблемы нас ждут в связи с широким до чрезвычайности развитием науки и техники. Ведь рационализм, по сути, и есть та площадка, на которой возводилось здание Ее Величества Науки и Техники, при этом, как замечал А.И.Введенский, *человека забыли...*

Позднее проблему соотношения и особенно границ познания и, следовательно, рационализма, решал И.Кант. Показывая несостоятельность «научного» познания Бога, бессмертия души, Кант писал: «...Мне пришлось ограничить знание, чтобы уступить место вере» [1. С. 85]. Критическая философия требовала осознания ограниченности человеческого знания, которое ограничено научно достоверным знанием, чтобы освободить место

для чисто моральной ориентации в мире. Причем не наука и не религиозная вера, а «моральный закон внутри нас» служит у Канта основанием нравственности [5. С. 156—157].

«Никогда люди не делают так много зла и так радостно, как тогда, когда делают это сознательно. Паскаль ратует за то, чтобы человек знал, чего он стоит. Пусть любит себя, ибо он способен к добру, но не становится из-за этого снисходителен к низости. Пусть презирает себя, ибо способность к добру остается в нем втуне, но не презирает самую эту способность. Пусть человек и ненавидит себя, и любит. В нем есть способность познать истину и стать счастливым, но познания его всегда шатки и неполны» [8. С. 118].

Кант, вероятно, был также близок к пониманию подобного познания. Мораль, считал он, самая бытийственная основа человеческого существования, то, что делает человека человеком. Нравственность же ниоткуда не выводима, ничем не обосновывается, а наоборот, является единственным оправданием разумного устройства мира. Мир устроен разумно, так как существует нравственная очевидность. Такой нравственной очевидностью обладает, например, совесть, рядом с которой идет долг. Человек, считал Кант, поступает согласно чувству долга не потому, что его что-то принуждает к этому (или кто-то узнает), а потому, что в нем действует какая-то самопринуждающая сила [5. С. 157].

Паскаль, подчеркивает Ф.А.Хомутовский, не иррационалист, скорее, его рационализм гуманен и разумен. Он пытается совместить разум и сердце. Самое большее, что ему в этом плане удастся сделать — показать трагизм и неполноту их совмещения. Человек — и червь земли, и обладатель истины, слава и периферия мироздания. Паскаль не страшится незнания, но страшится лишь «просвещенных невежд». Умудренным человек становится через свое неведение. Просвещенный невежда мудрым быть не может. Среди просвещенных невежд встречаются и математики, пытающиеся превратить человека в теорему [8. С. 118].

Несколько иначе по форме, но похоже по сути, охарактеризовал человека В.С.Соловьев: «Человек есть вместе и божество, и ничтожество».

«Сердечная» интуиция Паскаля. Именно последовательное проведение рационалистических принципов естественнонаучного познания приводит Паскаля к пониманию того, что логико-математическое строгое размышление всегда исходит из каких-то начальных утверждений: аксиом, исходных принципов, постулатов, которые не имеют и в принципе не могут иметь строгого, логического, математического обоснования. Такие исходные положения человек принимает не «умом», а «сердцем», верой. «У сердца есть свои основания, которых разум не знает», — говорил французский мыслитель. Сердце ведает всем в человеке, что выходит за пределы его разума, логики, сознания. Иначе говоря, в гносеологическом плане «сердце» избавляет разум от «дурной бесконечности» определенных и доказательств, которые, как водится, сплошь и рядом противоречат одно другому.

Замечательный соотечественник Паскаля Ф.Ларошфуко выразил эту мысль в своей остроумно-лаконичной манере, «короче и яснее»: «Ум всегда в дураках у сердца».

Именно путь «сердца» оказывается самым коротким и верным путем к истине, и здесь мы подходим к пониманию важнейшего для нашей жизни феномена, именуемого *интуицией*.

Удивительно, как рядом с наукой в нем сочеталась способность к мистифицированию. Паскаль, хотя и дополняет учение Декарта, но его философия гораздо более религиозна. Это является примером того, как часто в одном человеке сочетается любовь к науке и глубокая религиозность, которая ставится выше всякой науки.

Знаменитые «Мысли» Паскаля задумывались как апология христианства. Их фрагментарность указывает на то, что «систематичность научного разума не слишком годится для решения тех предельных вопросов, которыми жива философия» [7. С. 241]. «Мы постигаем истину не только разумом, но и сердцем», — писал он. Хотя для Паскаля справедливее было бы сказать, что мы постигаем истину не столько разумом, сколько сердцем.

«Вот что я вижу, и что меня волнует. Я смотрю во все стороны и всюду вижу один мрак. Природа ничего мне не предлагает, кроме того, что вызывает сомнение и беспокойство.

Если бы я не видел в ней никаких признаков Божества, то решился бы его отрицать; если бы я повсюду видел следы Творца, то успокоился бы в лоне веры. Но, видя слишком много, чтобы отрицать, и слишком мало, чтобы поверить, я нахожусь в плачевном состоянии, в котором я желал сотни раз, чтобы природа, если ею управляет Бог, указала на него недвусмысленно, или, если ее свидетельства сомнительны, уничтожила бы их совсем; пусть же представит все или ничто, чтобы я знал, какой стороны мне держаться» [3. С. 425].

Действительно, если жизнь полна загадок, то что еще остается человеку, как не стать разгадывателем? А для этого недостаточно учиться и заниматься наукой. «Сердце — вот иная, неизвестная Декарту, неведомая всему рационализму XVII в. инстанция. Сердце — особая и высшая способность человека.

Если Декарт доказывает существование Бога, опираясь на разум, то Паскаль делает то же, опираясь на особую «сердечную» (сверхрациональную) интуицию. Человек в сердце превышает себя как разумное существо. И поэтому разум вряд ли можно считать родовой характеристикой человека [7. С. 241]. Мысль Паскаля бьется над разрешением вечных вопросов бытия: «Уясним же себе, что мы такое: нечто, но не все; будучи бытием, мы не способны понять начало начал, возникающее из небытия; будучи бытием кратковременным, мы не способны охватить бесконечность» [3. С. 418].

Философ имел обыкновение записывать наиболее ценные мысли, приходившие ему в голову: «Я решил записать свои мысли, при этом не соблюдая никакого порядка, и эта чересполосица будет, возможно, намеренной: в ней-то и заложен настоящий порядок, который с помощью этого самого беспорядка выявит суть трактуемого мной предмета. Я оказал бы ему слишком много чести, если бы изложил свои мысли в строгом порядке, меж тем, как моя цель — доказать, что никакого порядка в нем нет и быть не может» [3. С. 416].

Паскаль понимает, что никто не может постигнуть тайну бытия, но не может не ставить перед собой вопросов, пытаясь понять причину и смысл всего сущего, хочет знать, что есть он сам, каким непостижимым путем попал в этот мир и куда, согласно своей природе, движется: «Я не знаю, кто вверг меня в наш мир, ни что такое наш мир, ни что такое я сам; обреченный на жесточайшее неведение, я не знаю, что такое мое тело, мои чувства, моя душа, не знаю даже, что такое та часть моего существа, которая сейчас облекает мои мысли в слова, рассуждает обо всем мироздании и о самой себе и точно так же не способна познать самое себя, как и все мироздание.

Я вижу сомкнувшиеся вокруг меня наводящие ужас пространства Вселенной, понимаю, что заключен в каком-то глухом закоулке этих необозримых пространств, но не могу уразуметь, ни почему нахожусь именно здесь, а не в каком-нибудь другом месте, ни почему столько-то быстротекущих лет дано мне жить в вечности, что предшествовала моему появлению на свет и будет длиться, когда меня не станет.

Куда ни взгляну, я вижу только бесконечность, я заключен в ней, подобно атому, подобно тени, которой суждено через мгновение безвозвратно исчезнуть. Твердо знаю я лишь одно — что очень скоро умру, но именно эта неминуемая смерть мне более всего непостижима» [3. С. 419—420].

Записи с самого начала не предназначались для печати и при жизни Паскаля опубликованы не были. Они сохранились в виде отдельных листов без всякой системы и порядка. Первое издание «Мыслей» увидело свет в 1670 г. благодаря Пьеру Николу (1625—1695 гг.) и другим деятелям Пор-Рояля, расположившим листки по своему усмотрению. Лишь в 1842 г. немецкий профессор филологии Виктор Кузен после тщательного исследования вновь реконструировал текст, и «Мысли» (свыше 1000 отрывков) в том виде, в каком мы можем читать их сегодня, были изданы в 1852 г., почти два века спустя после смерти их автора. Эти «Мысли» и стали ему памятником.

Как бы предвидя готовящиеся упреки, Паскаль писал: «Пусть не говорят, что я не сказал ничего нового: новизна в расположении материала. Когда играют в лапту, пользуются

одним и тем же мячом, но один бьет лучше другого» [4. С. 498]. И дело, вероятно, не в одной лапте. Думается, никто не станет возражать против «расположения материала», очевидно, что и лучшая книга состоит из тех же самых знаков, что и обычная.

Великий человек всегда является сыном своего века, и не напрасно, потому что он живет тем, чем живет его время, его страна, общество. Жить, значит творить, гореть, быть предельно занятым, в противном случае это только существование. Можно сказать, жить, значит мыслить. «Человек — всего лишь тростник, самый слабый в природе, но это мыслящий тростник, — писал французский мыслитель. — Не нужно Вселенной ополчаться против него, чтобы его уничтожить: достаточно пара, капли воды, чтобы убить его». Все же величие человека состоит в умении мыслить: «Будем же стараться хорошо мыслить: вот начало нравственности» [3. С. 410].

Высказывания Б.Паскаля.

Насмехаться над философией — значит, философствовать.

Что же это за химера — человек? Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо!

Судья всех вещей... червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор Вселенной.

Мы только отчасти обладаем истиной и благом попеременно с ложью и злом.

Если человек восхваляет себя, я его уничижаю, если уничижает — восхваляю, и противоречу до тех пор, пока он не уразумеет, какое он непостижимое чудовище.

Начни человек с изучения самого себя, он понял бы, что ему не дано выйти за собственные пределы. Мыслимо ли, чтобы часть познала целое?

Нас утешает любой пустяк, потому что любой пустяк приводит нас в уныние.

Непостоянство, скука, беспокойство — вот условия человеческого бытия.

Истинная нравственность не нуждается в науке о нравственности.

Природа человека состоит в том, чтобы все время идти вперед.

Только кончая задуманное сочинение, мы уясняем себе, с чего нам следовало его начинать.

Можно жить сколько угодно, можно повторять и транслировать *чью-то* мудрость, но при появлении *своей* нужно насторожиться: ибо жить остается недолго.

Последними словами Паскаля были: «Да не покинет меня Бог никогда».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3.
2. Пушкин А.С. Соч.: В 3 т. М., 1985. Т. 1.
3. Таранов П.С. Философия сорока пяти поколений. М., 1999.
4. Таранов П.С. Философский биографический словарь, иллюстрированный мыслями. М., 2004.
5. Философия / Под ред. В.Н.Лавриненко, В.П.Ратникова. М., 2001.
6. Философия: Курс лекций / Под общ. ред. Ф.А.Сима. Петропавловск, 1998.
7. Философия: Учебник / Под ред. В.Д.Губина, Т.Ю.Сидориной. М., 2003.
8. Хомутовский Ф.А. Философия Нового времени // Философия: Курс лекций / Под общ. ред. Ф.А.Сима. Петропавловск, 1998.